

Н.И. Якушин

И.С. Тургенев в жизни и творчестве

Детство. Годы учения	1
Университетские годы. Первые литературные опыты. Служба	3
Начало литературной деятельности. Знакомство с Белинским	7
«Современник». «Записки охотника». Драматургия	10
Арест и ссылка. Крымская война	11
«Рудин». Духовный кризис. «Ася»	13
Новый творческий подъем. «Дворянское гнездо»	15
«Гамлет и Дон Кихот». «Накануне». Разрыв с «Современником»	16
«Отцы и дети»	18
Идейный творческий кризис. «Дым»	19
Семидесятые годы. «Новь»	21
Последние годы. «Стихотворения в прозе». Болезнь и смерть	22

Детство. Годы учения

«1818 г. 28 октября, в понедельник, родился сын Иван, ростом 12 вершков, в Орле, в своем доме, в 12 часов утра» – такую запись сделала в своей памятной книжке Варвара Петровна Тургенева.

Иван Сергеевич был ее вторым сыном. Первый — Николай — родился двумя годами раньше, а в 1821 в семье Тургеневых появился еще один мальчик — Сергей.

Трудно представить себе более непохожих людей, чем родители будущего писателя.

Мать — Варвара Петровна, урожденная Лутовинова, — женщина властная, умная и образованная, красотой не блистала. Была она небольшого роста, приземистой, с широким лицом, попорченным оспой. И лишь глаза были хороши: большие, темные и блестящие.

Рано потеряв отца, Варвара Петровна воспитывалась в семье отчима, где чувствовала себя чужой и бесправной. Не выдержав притеснений, она вынуждена была бежать из дома и нашла приют у своего дяди, Ивана Ивановича Лутовинова, человека сурового и нелюдимого. На свою племянницу он мало обращал внимания, однако держал ее в строгости и за малейшееслушание грозил выгнать из дому. Внезапная смерть дяди неожиданно превратила забитую приживалку в одну из самых богатых невест в округе, владелицу огромных поместий и почти пяти тысяч крепостных крестьян.

Варваре Петровне было уже тридцать лет, когда она познакомилась с молодым офицером Сергеем Николаевичем Тургеневым. Он происходил из старинного дворянского рода, который, однако, к тому времени уже оскудел. От бывшего богатства осталось лишь небольшое имение. Сергей Николаевич был красив, изящен, умен. И не удивительно, что на Варвару Петровну он произвел неотразимое впечатление, и она дала понять, что если Сергей Николаевич посватается, то отказа не последует.

Молодой офицер раздумывал недолго. И хотя невеста была на шесть лет старше его и привлекательностью не отличалась, однако громадные угодья и тысячи крепостных душ, которыми она владела, определили решение Сергея Николаевича.

В начале 1816 года состоялось бракосочетание, и молодые поселились в Орле.

Своего мужа Варвара Петровна боготворила и побаивалась. Она предоставила ему полную свободу и ни в чем его не ограничивала. Сергей Николаевич жил так, как ему хотелось, не обременяя себя заботами о семье и хозяйстве. В 1821 он вышел в отставку и вместе с семьей переехал в имение жены Спасское-Лутовиново, в семидесяти верстах от Орла. Летом того же года Тургеневы со всеми домочадцами совершили длительное заграничное путешествие, а вернувшись из него, зажили, как вспоминал Иван Сергеевич, «дворянской, медленной, просторной и мелкой жизнью... с обычной обстановкой гувернеров и учителей, швейцарцев и немцев, доморощенных дядек и крепостных нянек».

Имение Тургеневых Спасское-Лутовиново располагалось в березовой роще на пологом холме. Вокруг просторного двухэтажного господского дома с колоннами, к которому примыкали полукруглые галереи, был разбит громадный парк с липовыми аллеями, фруктовыми садами и цветниками. Парк был удивительно красив. Могучие дубы росли в нем рядом со столетними елями, высокими соснами, стройными тополями, каштанами и осинами. У подножия холма, на котором стояла усадьба, были вырыты пруды, служившие естественной границей парка. А дальше, насколько хватало глаз, простирались поля и луга, изредка перемежаемые небольшими холмами и рощами. Здесь, среди изумительной и неповторимой красоты средней полосы России, и прошло детство будущего писателя.

Воспитанием детей занималась преимущественно Варвара Петровна. Перенесенные в свое время в доме отчима и дяди страдания не лучшим образом отразились на ее характере. Своенравная, капризная, истеричная, к детям своим она относилась неровно. Порывы заботливости, внимания и нежности сменялись приступами ожесточения и мелкого тиранства. По ее приказу детей наказывали за малейшие проступки, а иногда и без всякой причины.

«Мне нечем помянуть моего детства, – говорил много лет спустя Тургенев. – Ни одного светлого воспоминания. Матери я боялся, как огня. Меня наказывали за всякий пустяк — одним словом, муштровали, как рекрута. Редкий день проходил без розог; когда я отваживался спросить, за что меня наказывали, мать категорически заявила: “Тебе об этом лучше знать, догадайся”».

На всю жизнь сохранилась в сознании писателя горечь за несправедливо нанесенные обиды и унижения.

С отцом у Ивана Сергеевича отношения были сложные. Вот как он сам рассказывал об этом в своей во многом автобиографической повести «Первая любовь»:

«Странное влияние имел на меня отец — и странные были наши отношения. Он почти не занимался моим воспитанием, но никогда не оскорблял меня; он уважал мою свободу — он даже был, если можно так выразиться, вежлив со мною... только он не допускал меня до себя. Я любил его, я любовался им, он казался мне образцом мужчины — и, боже мой, как бы я страстно к нему привязался, если бы я постоянно не чувствовал его отклоняющей руки!.. Бывало, стану я рассматривать его умное, красивое, светлое лицо... сердце мое задрожит, и все существо мое устремится к нему... он словно почувствует, что во мне происходит, мимоходом потреплет меня по щеке — и либо уйдет, либо займется чем-нибудь, либо вдруг весь застынет, как он один умел застывать, и я тотчас же сожмусь и тоже похолодею».

Мальчик видел жестокость своей матери по отношению к дворовым людям. Она не выносила, когда кто-нибудь осмеливался ей противоречить. И гнев ее был страшен. Редкий день проходил без того, чтобы со стороны конюшни не раздавались крики наказываемых плетью людей. И, слыша это, мальчик давал себе клятву никогда и ни при каких обстоятельствах не поднимать руки на человека, хоть в чем-нибудь от тебя зависящего.

«Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне, – писал позднее Тургенев, – она, между прочим, была причиной тому, что я, выросший среди побоев и истязаний, не осквернил руки своей ни одним ударом — но до “Записок охотника” было далеко. Я был просто мальчик — чуть не дитя».

Живой, впечатлительный, не по годам развитый ребенок внимательно прислушивался к разговорам взрослых, охотно общался с дворовыми людьми, от которых узнавал много нового и интересного: разные истории, рассказы, предания, бывальщины. Игрушки мало занимали его. С большей охотой проводил он время, гуляя в парке, где у него были свои любимые уголки, удил в пруду рыбу, ловил птиц. Его часто можно было видеть среди лесников и охотников Спасского, которые учили его стрелять из ружья, узнавать повадки диких уток, перепелок, куропаток и певчих птиц. Постепенно в мальчике зародилась страсть к охоте, ставшая позднее для него не только любимым развлечением, но и временем, когда он мог ближе познакомиться с простыми людьми и лучше узнать крестьянскую жизнь. Когда Тургенев подрос, его ужаснули картины насилия и произвола, с которыми он сталкивался на каждом шагу.

В доме Тургеновых была довольно большая библиотека. В огромных шкафах хранились произведения античных писателей и поэтов, сочинения французских энциклопедистов: Вольтера, Руссо, Монтескье, романы В. Скотта, де Сталь, Шатобриана; произведения русских литераторов: Ломоносова, Сумарокова, Карамзина, Дмитриева, Жуковского, а также книги по истории, естествознанию, ботанике. Вскоре библиотека стала для Тургенева самым любимым местом в доме, где он проводил целые дни. В немалой степени интерес к литературе у мальчика поддерживала мать, которая довольно много читала и хорошо знала французскую литературу и русскую поэзию конца XVIII — начала XIX века.

В начале 1827 семья Тургеновых переехала в Москву: пора было готовить детей к поступлению в учебные заведения. Сначала Николая и Ивана поместили в частный пансион Винтеркеллера, а затем в пансион Краузе, названный позднее Лазаревским институтом восточных языков. Здесь братья проучились недолго — всего несколько месяцев. Дальнейшее их образование было поручено домашним учителям. С ними они изучали русскую словесность, историю, географию, математику, иностранные языки — немецкий, французский, английский, — рисование. Русскую историю преподавал поэт И. Ключников, а русскому языку учил Д. Дубенский, известный исследователь «Слова о полку Игореве».

Учились братья легко, и родители были довольны их успехами. Однако отца огорчало то, что сыновья писали ему письма не на русском языке. В одном из писем Сергей Николаевич, лечившийся в то время за границей, замечал:

«Вы все мне пишете по-французски или по-немецки, а за что пренебрегаете наш природный — если вы в оном очень слабы, — это меня удивляет. Пора! Пора! Уметь хорошо не только на словах, но и на письме объясняться по-русски — это необходимо...»

Тургеневу не было еще и пятнадцати лет, когда он, успешно сдав вступительные экзамены, стал студентом словесного отделения Московского университета.

Университетские годы. Первые литературные опыты. Служба

Московский университет в то время был основным центром передовой русской мысли. По словам А. Герцена, «в него, как в общий резервуар, вливались юные силы России со всех сторон, из всех слоев; в его залах они очищались от предрассудков, захваченных у домашнего очага, приходили к одному уровню, братались между собой и снова разливались во все стороны России, во все слои ее». В его стенах почти одновременно учились такие замечательные деятели русской культуры, как А. Герцен, Н. Огарев, В. Белинский, М. Лермонтов, И. Гончаров и другие.

Студенты внимательно следили за событиями, происходившими тогда в России и в Европе. Июльская революция 1830 во Франции, восстание в Польше, холерные бунты, прокатившиеся по всей России, способствовали формированию в среде студенчества вольнолюбивых устремлений. Тургенев позднее говорил, что именно в эти годы у него стали складываться «весьма свободные, чуть не республиканские убеждения».

Конечно, цельного и последовательного мировоззрения Тургенев в те годы еще не выработал. Ему едва минуло шестнадцать лет, это был период роста, период поисков и сомнений.

В то время университет не давал студентам глубоких и основательных знаний. «Больше лекций и профессоров развивала студентов аудитория юным столкновением, обменом мыслей, чтением...» – вспоминал А. Герцен.

Особенно заинтересовали Тургенева лекции профессора М. Павлова — активного пропагандиста философского учения Шеллинга и его последователей. Павлов учил студентов самостоятельно мыслить, пробуждал в них интерес к изучению различных философских систем.

В Московском университете Тургенев проучился всего один год. После того как его старший брат Николай поступил в гвардейскую артиллерию, расквартированную в Петербурге, отец решил, что братьям не следует разлучаться, и поэтому летом 1834 Тургенев подал прошение о переводе на филологическое отделение философского факультета Петербургского университета.

Не успела семья Тургеневых обосноваться в столице, как неожиданно умер Сергей Николаевич. Смерть отца глубоко потрясла Тургенева и заставила его впервые серьезно задуматься о жизни и смерти, о месте человека в вечном движении природы. Мысли и переживания юноши нашли свое отражение в лирических стихотворениях, и в драматической поэме «Стено».

Первые литературные опыты Тургенева создавались под сильнейшим воздействием господствовавшего тогда в литературе романтизма, и прежде всего поэзии Байрона. Это особенно чувствуется в поэме «Стено». Ее герой — пылкий, страстный, полный восторженных стремлений человек, который не желает мириться с окружающим его миром зла, но и не может найти применения своим силам и в конце концов трагически погибает. Позднее Тургенев весьма скептически отзывался об этой поэме, называя ее «нелепым произведением, в котором с детской неумелостью выражалось рабское подражание байроновскому Манфреду».

Однако нельзя не отметить, что в поэме «Стено» отразились размышления юного поэта о смысле жизни и о назначении в ней человека, те вопросы, разрешить которые пытались многие великие поэты того времени: Гете, Шиллер, Байрон.

После Московского столичный университет показался Тургеневу бесцветным. Здесь все было по-другому: не было той атмосферы дружбы и товарищества, к которой он привык, не чувствовалось стремления к живому общению и спорам, мало кто интересовался вопросами общественной жизни. Да и состав студентов был иной. Среди них было много юношей из аристократических семей, которые мало интересовались наукой.

Преподавание в университете велось по довольно широкой программе. Но серьезных знаний студенты не получали. Интересных преподавателей не было. Ближе других оказался Тургеневу лишь П. Плетнев, о котором он позднее писал:

«Как профессор русской литературы, он не отличался большими сведениями; зато он искренне любил “свой предмет”, обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом и говорил просто, ясно, не без теплоты. Главное: он умел сообщать своим слушателям те симпатии, которыми сам был исполнен, — умел заинтересовать их...»

Плетнев был человеком доброжелательным и очень тепло относился к молодежи. Особого внимания он удостоивал студентов, проявлявших интерес к литературе: всегда поддерживал, помогал им, приглашал на свои литературные вечера. Одним из таких студентов был и Тургенев. Он стал бывать в доме Плетнева и познакомился там с извест-

ными литераторами — А. Кольцовым и В. Одоевским. А однажды лицом к лицу столкнулся с Пушкиным, которого боготворил: «Пушкин был в ту пору для меня, как и для многих моих сверстников, чем-то вроде полубога. Мы действительно поклонялись ему».

Почти три года Тургенев провел в университете и вышел из него летом 1837 со степенью кандидата. Об университетских годах писателя сохранилось мало сведений. Известно только, что он близко сошелся и подружился с Т. Грановским. Вместе с ним Тургенев пережил пору страстного увлечения романтизмом. Молодые люди зачитывались произведениями Марлинского, драмами Кукольника и стихами Бенедиктова. Интересно, что Грановский в то время писал стихи и всерьез намеревался посвятить себя литературной деятельности. Тургенев же, наоборот, более склонялся к научным занятиям, хотя и был уже тогда автором многих поэтических произведений. Но судьба распорядилась иначе: Грановский стал выдающимся ученым-историком, а Тургенев — великим писателем.

В период учебы в университете у Тургенева проявился глубокий интерес к музыке и театру. Он часто бывал на концертах, в оперном и драматическом театрах. В 1836 ему посчастливилось присутствовать на двух знаменитых премьерах — в Александринском театре он видел гоголевского «Ревизора», а в Мариинском слушал оперу Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»).

Окончив университет, Тургенев решил продолжить свое образование и в мае 1838 отправился в Берлин. Поездка в Германию была вызвана не только тягой к знаниям и желанием подготовиться к ученой деятельности, но и глубокой неудовлетворенностью юноши всем укладом жизни самодержавно-крепостнической России. Впоследствии Тургенев так объяснял свое «бегство» за границу:

«Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел... Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда».

После Петербурга Берлин показался Тургеневу городом чопорным и немного скучным.

«Что прикажете сказать о городе, — писал он, — где встают в шесть часов утра, обедают в два и ложатся спать раньше куриц, о городе, где в десять часов вечера одни меланхолические и нагруженные пивом сторожа скитаются по пустынным улицам... Берлин — до сих пор еще не столица; по крайней мере, столичной жизни в этом городе нет и следа, хотя вы, побывши в нем, все-таки почувствуете, что находитесь в одном из центров или фокусов европейского движения».

Таким центром делал Берлин его университет, в аудиториях которого всегда было многолюдно. На лекции собирались не только студенты, но и вольнослушатели — офицеры, чиновники, стремившиеся приобщиться к науке.

Уже первые занятия в Берлинском университете обнаружили у Тургенева пробелы в его образовании. Позднее он писал:

«Я занимался философией, древними языками, историей и с особенным рвением изучал Гегеля... в доказательство того, как недостаточно было образование, получаемое в то время в наших высших заведениях, приведу следующий факт: я слушал в Берлине латинские древности у Цумпта, историю греческой литературы у Бёка, а на дому принужден был зубрить латинскую грамматику и греческую, которые знал плохо. И я был не из худших кандидатов».

Тургенев усердно постигал премудрости немецкой философии, а в свободное время посещал театры и концерты. Музыка и театр стали для него истинной потребностью. Он слушал оперы Моцарта и Глюка, симфонии Бетховена, смотрел драмы Шекспира и Шиллера.

Время, проведенное в Берлинском университете, сыграло в формировании мировоззрения Тургенева очень важную роль. Особое значение имели для него знакомство и дружба с одним из замечательных людей того времени — Н. Станкевичем, который, по словам писателя, положил начало новому развитию его души. Станкевич заставил поверить своего молодого друга, что человеческая мысль сможет исцелить мир и указать людям пути выхода из противоречий жизни. Он говорил с Тургеневым о великой преобразующей силе просвещения и искусства, о том, что рано или поздно «свет победит тьму». Узнав о безвременной кончине Станкевича, Тургенев писал:

«Как я жадно внимал ему, я, предназначенный быть последним его товарищем, которого он посвящал в служение Истине своим примером. Поэзией своей жизни, своих речей!.. он обогатил меня тишиной, уделом полноты — меня, еще недостойного... Станкевич! Тебе я обязан моим возрождением: ты протянул мне руку — и указал мне цель...»

И еще одна встреча в Берлине оставила заметный след в жизни Тургенева. Вскоре после смерти Станкевича он познакомился и подружился с М. Бакуниным, ставшим позднее известным революционером и теоретиком анархизма. Пламенные речи Бакунина, его умение заражать своим энтузиазмом окружающих, способность увлечь всех, кто с ним общался, не прошли бесследно и для Тургенева. Свои впечатления от общения с Бакуниным и Станкевичем он позднее передал в романе «Рудин».

Живя за границей, Тургенев не переставал думать о своей родине, о своем народе, о его настоящем и будущем. Так, путешествуя по Италии, он в письме к Грановскому делился своими впечатлениями от увиденного:

«...Смущало меня в Риме положение народа, притворная святость, систематическое порабощение, отсутствие истинной жизни... все движения, колеблющие Северную и Среднюю Европу, не переходят Апеннинов. Нет! русский народ имеет неисчислимо более надежд и силы...»

Уже тогда, в 1840, Тургенев верил в великое предназначение своего народа, в его силу и стойкость.

Наконец слушание курса лекций в Берлинском университете закончилось. В мае 1841 Тургенев вернулся в Россию и самым серьезным образом стал готовить себя к научной деятельности. Он мечтал стать профессором философии.

Увлечение философскими науками — одна из характерных черт общественного движения в России конца 1830-х и начала 1840-х. Передовые люди того времени пытались с помощью абстрактных философских категорий объяснить окружающий мир и противоречия русской действительности, найти ответы на волновавшие их злободневные вопросы современности. Вспоминая это время, Тургенев писал:

«Мы еще верили тогда в действительность и важность философических и метафизических выводов, хотя... и не обладали способностью мыслить отвлеченно, на немецкий манер... Впрочем, мы тогда в философии искали всего на свете, кроме чистого мышления».

Однако мечту о философской кафедре в Московском университете пришлось оставить: более десяти лет философия там вообще не преподавалась, и у Тургенева отказались принять даже магистерские экзамены. Их пришлось сдавать в Петербургском университете. А когда эти испытания остались позади и следовало приступить к работе над диссертацией, планы Тургенева изменились. Он разочаровался в идеалистической философии и оставил надежду с ее помощью разрешить волновавшие его вопросы. К тому же Тургенев пришел к выводу, что наука — не его призвание.

В начале 1842 Иван Сергеевич подал прошение на имя министра внутренних дел о зачислении его на службу и вскоре был принят чиновником особых поручений в канцелярию под начальство В. Даля, известного писателя и этнографа. Однако служил Тургенев не долго и к тому же, по его собственным словам, «очень плохо и неисправно» и в мае 1845 вышел в отставку.

Пребывание на государственной службе дало ему возможность собрать большой жизненный материал, связанный в первую очередь с трагическим положением крестьян и с губительной властью крепостного права, поскольку в канцелярии, где служил Тургенев, часто рассматривались дела о наказаниях крепостных, о всякого рода злоупотреблениях чиновников и т. п. Именно в это время у Тургенева выработалось резко отрицательное отношение к бюрократическим порядкам, господствующим в государственных учреждениях, к черствости и эгоизму петербургских чиновников. И вообще петербургская жизнь произвела на Тургенева гнетущее впечатление. В «Воспоминаниях о Белинском» он писал об этом периоде своей жизни:

«Бросишь вокруг себя мысленный взор: взяточничество процветает, крепостное право стоит, как скала, казарма на первом плане, суда нет, носятся слухи о закрытии университетов...»

Начало литературной деятельности. Знакомство с Белинским

Началом своей литературной деятельности Тургенев считал 1843 год, когда в печати появилась его поэма «Параша», открывшая собой целый ряд произведений, посвященных развенчанию романтического героя. Белинский увидел в молодом авторе «необыкновенный поэтический талант», «верную наблюдательность, глубокую мысль», «сына нашего времени, носящего в груди своей все скорби и вопросы его». По словам критика, герой поэмы Виктор — «это один из тех великих маленьких людей, которых теперь так много развелось и которые улыбкою презрения и насмешки прикрывают тощее сердце, праздный ум и посредственность своей натуры». Причем Белинский отметил, что причина появления «великих маленьких людей» кроется в социальных условиях русской жизни, не дающей возможности для развития общественных интересов и формирующей характеры с большими претензиями, но внутренне опустошенные и не способные к активной деятельности.

Выход в свет поэмы совпал с личным знакомством Тургенева с Белинским. Событие это сыграло громадную роль в жизни писателя. Он навсегда сохранил чувство глубокого уважения и преклонения перед личностью великого критика.

Впервые имя Белинского стало известно Тургеневу еще в годы учения в Петербургском университете.

«В одно утро, — рассказывал писатель позднее, — зашел ко мне студент-товарищ и с негодованием сообщил мне, что в кондитерской Беранже появился № “Телескопа” со статьей Белинского, в которой этот “критикан” осмеливался заносить руку на наш общий идол, на Бенедиктова. Я немедленно отправился к Беранже, прочел всю статью от доски до доски — и, разумеется, также воспылал негодованием. Но — странное дело! и во время чтения и после, к собственному моему изумлению и даже досаде, что-то во мне невольно соглашалось с “критиканом”, находило его доводы убедительными... неотразимыми. Я стыдился этого уже точно неожиданного впечатления, я старался заглушить в себе этот внутренний голос; в кругу приятелей я с большей еще резкостью отзывался о самом Белинском и об его статье... но в глубине души что-то продолжало шептать мне, что он был прав... Прошло несколько времени — и я уже не читал Бенедиктова».

Имя Тургенева тоже было известно Белинскому. Ведь стихи молодого поэта довольно часто печатались в журнале «Отечественные записки», где сотрудничал Белинский. Прошло совсем немного времени, и между Белинским и Тургеневым установились теплые дружеские отношения. Вот что писал Белинский в одном из писем о своем молодом друге:

«Это человек необыкновенно умный, да и вообще хороший человек. Беседы и споры с ним отводили мне душу... отраднo встретить человека, самобытное и характерное мнение которого, сшибаясь с твоим, извлекает искры... Русь он понимает. Во всех его суждениях виден характер и действительность».

Общение с Белинским оказало самое существенное влияние на духовное развитие Тургенева. Белинский помог ему выработать правильное понимание явлений, происходя-

щих в мире. И именно Белинский убедил Тургенева в том, что литературное творчество в условиях самодержавной России является единственным родом деятельности, позволяющим ставить и решать злободневные социальные вопросы, и что русский читатель «видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей».

Тургенев часто встречался с Белинским, подолгу беседовал с ним о важнейших проблемах общественной жизни России, о развитии русской литературы. Порой разговоры переходили в жаркие споры.

«Общий колорит наших бесед, – писал позднее Тургенев, – был философско-литературный, критическо-эстетический и, пожалуй, социальный, редко исторический. Иногда выходило очень интересно и даже сильно...»

Ко времени сближения Тургенева с Белинским относится развернувшаяся резкая полемика между славянофилами и западниками. Славянофилы (А. Хомяков, И. Киреевский, братья К.С. и И.С. Аксаковы и др.) считали, что Россия — это особая страна, со своим, только ей присущим путем исторического развития. По их мнению, Россия не должна ориентироваться на Запад, не должна ни в чем следовать ему. Они утверждали, что для общественного и государственного пути Европы была характерна постоянная борьба сословий, приводившая к революционным потрясениям. В России же, говорили славянофилы, всегда существовало единство народа и правительства, поскольку патриархально и религиозно настроенные народные массы никогда не стремились к политической власти, передоверив ее правительству, сохранив за собой только возможность высказывать свое мнение, к которому правящие круги должны прислушиваться. Славянофилы считали, что необходимо вернуться к патриархальным порядкам русской жизни, которые в свое время разрушил Петр I, стремившийся насадить в России чуждые ей западные порядки и обычаи.

По своей сути учение славянофилов было консервативным. Вместе с тем в нем было много положительного. Так, например, славянофилы были противниками крепостного права, ратовали за свободу слова и печати, резко критиковали бюрократический аппарат самодержавной России, выступали против политического и судебного произвола.

Эта сторона программы славянофилов вызывала уважение даже у их противников — западников.

Признавая отдельные положения учения славянофилов, западники тем не менее усматривали в нем попытку искусственно затормозить общественное развитие России, стремление повернуть ее историю вспять. Им претила идеализация славянофилами патриархальной старины, умиление в любовании покорностью и богобоязненностью русского народа. Они выступали за европеизацию России, за приобщение к передовым социальным идеям Запада, боролись за освобождение народа от гнета и насилия, за изменение существующих в стране порядков.

Тургенев полностью разделял воззрения западников и принимал самое активное участие в полемике со славянофилами.

К концу 1840-х в лагере западников определились два течения: революционно-демократическое, возглавляемое Белинским и Герценом, и умеренно-либеральное, к которому примкнули Тургенев, Грановский, Боткин, Анненков и другие. Однако в то время противоречия между революционерами-демократами и либералами-западниками не были антагонистическими. Оба эти течения объединяли общие задачи борьбы против крепостного права и основных устоев самодержавного строя. Размежевание между ними произошло позднее, во второй половине 1850-х.

Накануне знакомства с Белинским Тургенев находился на перепутье. Он весь в сомнениях, поисках своего места в жизни, определении характера своего поведения. Главным для него становится стремление выделиться, быть не похожим на окружающих. По словам близко знавшего Тургенева критика П. Анненкова, «самым позорным состоянием, в какое может попасть смертный, считал он в то время то состояние, когда человек

походит на других». Отсюда и появилось желание привлечь к себе внимание, заявить о себе как об оригинальном художнике. «Тургенев защищал свое право стоять особняком от господствующих течений в обществе, – писал Анненков, – не подчиняясь деспотизму принятых условий существования ни в каком их виде и оградить себя от разного вмешательства посторонней силы в дела своей души...» Однако общение с Белинским не могло не оказать существенного влияния на формирование общественно-политических и эстетических взглядов молодого писателя. К середине 1840-х он окончательно переходит на позиции реализма и становится одним из последователей критика. В рецензии на русский перевод «Фауста» Гете, сделанный Вронченко, Тургенев вслед за Белинским открыто провозгласил необходимость обращения литературы к вопросам современности, к потребностям русской жизни, выступил против романтиков, обвинив их в равнодушии к социальным вопросам, высмеял людей, занятых исключительно своими радостями и горестями. Он осудил духовную бедность романтических героев, со временем превращающихся в эгоистов и пошляков.

Свои эстетические принципы Тургенев реализовал в целом ряде художественных произведений. Одна за другой появляются в печати его повести «Андрей Колосов», «Бретер», «Три портрета». Все эти повести пронизывает мысль, что время романтических героев прошло, что ныне романтический флер служит лишь для прикрытия эгоизма и невежества людей мелких и ограниченных.

Резко отрицательное отношение к романтизму как к мировоззрению и поведению в повседневной жизни современного человека Тургенев настойчиво проводил не только в художественных произведениях, но и в ряде своих критических статей, написанных под несомненным воздействием Белинского. В них он отстаивал принципы реализма и народности, ратовал за простоту и ясность в искусстве, настаивал на необходимости решать в литературе актуальные вопросы современности.

В целом ряде произведений Тургенев, продолжая традиции Гоголя, сатирически изобразил бездуховное существование представителей дворянства, их равнодушие к общественным вопросам, жестокость по отношению к крепостным крестьянам. Об этом писатель говорил в поэме «Помещик», прочитав которую, Белинский отметил, что «кажется, здесь талант г. Тургенева нашел свой истинный род, в этом роде он неподражаем».

В середине 1840-х Тургенев становится одним из активных деятелей «натуральной школы», объединявшей в своих рядах лучших литераторов того времени: Герцена, Некрасова, Гончарова, Достоевского, Панаева, Григоровича. Писатели «натуральной школы» стремились сблизить литературу с действительностью, придать ей демократический характер. Героями их произведений стали представители всех слоев русского общества, но в первую очередь их интересовала жизнь крепостных крестьян и городских тружеников.

Тургенев принимает участие в сборниках «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник», издаваемых Некрасовым при содействии Белинского и явившихся своеобразными манифестами «натуральной школы».

По-разному складывались отношения Тургенева с литераторами, составлявшими в это время кружок Белинского. С критиком П. Анненковым, с публицистом и критиком В. Боткиным писатель на всю жизнь сохранил теплые и дружеские отношения. Их сближали общие политические взгляды, общие мысли о задачах литературы. Все они придерживались довольно умеренных либеральных взглядов и были сторонниками постепенных реформ. С Некрасовым, Достоевским, Гончаровым Тургенев по целому ряду причин позднее разошелся. Но во второй половине 1840-х всех их объединял гений Белинского. Недаром И. Панаев писал: «Кружок, в котором жил Белинский, был тесно сплочен и сохранился во всей чистоте до самой его смерти. Он поддерживался силой его духа и убеждений».

И еще одно очень важное событие произошло в это время в жизни писателя — он познакомился с выдающейся французской певицей Полиной Виардо.

«Я ничего не видел на свете лучше Вас... – писал Тургенев Виардо спустя несколько лет. – Встретить Вас на своем пути было величайшим счастьем моей жизни, моя преданность и благодарность не имеют границ и умрут только вместе со мною».

Ко времени знакомства с Тургеневым имя Полины Виардо пользовалось огромной популярностью в Европе. Ее голосом восхищались крупнейшие музыканты, поэты посвящали ей стихи, писатели и критики посвящали ей восторженные статьи. «Виардо, артистка гениальная... — отмечал историк петербургских театров А. Вольф. — Голос ее был чистейший меццо-сопрано, самого нежного тембра...»

Полина Виардо была не только замечательной певицей, но и обаятельной женщиной, широко образованным человеком и интересным собеседником. Любовь к ней Тургенев пронес через всю жизнь. До конца своих дней он остался верен этому чувству, многое принеся ему в жертву. Дом семьи Виардо становится для писателя вторым домом. Он подолгу живет в их имении Куртавнель, недалеко от Парижа, сопровождает Виардо в ее многочисленных гастрольных поездках, а с начала 1860-х годов, окончательно сблизившись с семьей актрисы (ее мужу Луи Виардо, переводчику и критику, писатель помогал переводить русских классиков), постоянно живет за границей, лишь изредка приезжая в Россию.

«Современник». «Записки охотника». Драматургия

Белинский и его единомышленники давно мечтали иметь свой печатный орган. Эта мечта осуществилась только в 1846, когда Некрасову и Панаеву удалось приобрести в аренду журнал «Современник», основанный в свое время Пушкиным и после его смерти издававшийся Плетневым. Тургенев принял самое непосредственное участие в организации нового журнала. По словам П. Анненкова, Тургенев был «душой всего плана, устройтелем его... Некрасов советовался с ним ежедневно; журнал наполнялся его трудами».

В январе 1847 первый номер обновленного «Современника» вышел в свет. Тургенев опубликовал в нем несколько произведений: цикл стихотворений, рецензию на трагедию Н. Кукольника «Генерал-поручик Паткуль...», «Современные заметки» (совместно с Некрасовым). Но подлинным украшением первой книжки журнала явился очерк «Хорь и Калиныч», положивший начало целому циклу произведений под общим названием «Записки охотника». Цикл этот открыл новую страницу в русской литературе и сыграл в судьбе самого Тургенева очень важную роль.

«До 1847 года, – писал Некрасов, – г. Тургенев, начавший свое поприще стихами, не имел определенной физиономии как писатель, и можно сказать, что известность его в литературе началась с “Записок охотника”»...

«Записки охотника» создавались Тургеневым на рубеже 1840-х — 1850-х и появлялись в печати в виде отдельных рассказов и очерков. В 1852 они были объединены писателем в книгу, ставшую крупным событием в русской общественной и литературной жизни. По словам Салтыкова-Щедрина, «Записки охотника» «положили начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды».

Наметившийся в 1840-х годах подъем в освободительном движении поставил перед литературой задачу правдиво отобразить жизнь русского общества. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский писал:

«Природа вечный образец искусства, а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик — не человек? — Но что может быть интересного в грубом, необразованном человеке? Как что? — Его душа, ум, сердце, страсти, склонности, — словом, все то же, что и в образованном человеке».

Эта мысль была близка и Тургеневу. Незадолго до появления первых рассказов из «Записок охотника» в рецензии на книгу В. Даля «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского» он утверждал, что «в русском человеке таится и зреет зародыш будущих

великих дел, великого народного развития...». С этой верой в неиссякаемые силы своего народа Тургенев и писал «Записки охотника».

«Записки охотника» — это книга о народной жизни в эпоху господства крепостного права. Писатель нарисовал в ней широкую картину русской действительности середины прошлого века, запечатлел образ народа, его живую душу, не сломленную крепостническим гнетом и сохранившую высокие духовные и нравственные качества: чувство собственного достоинства, жажду воли, веру в жизнь, достойную человека.

Во второй половине 1840-х Тургенев много и плодотворно работал в области драматургии. Его пьесы — глубоко новаторские произведения. Тургенев избегал сложных сюжетных построений и сценических эффектов. Он до минимума свел внешнее действие, сосредоточив основное внимание на раскрытии напряженного внутреннего мира и на развитии характеров. В этом Тургенев во многом подготовил появление пьес Чехова.

Начиная с 1843 года одна за другой появляются в печати и на сцене небольшие, как правило, одноактные и двухактные пьесы Тургенева: «Неосторожность», «Безденежье», «Завтрак у предводителя», «Нахлебник», «Холостяк», посвященные различным сторонам и проблемам русской жизни.

Самым значительным произведением в драматургическом наследии Тургенева является пьеса «Месяц в деревне» (1850). В основе ее конфликта лежит столкновение представителей дворянской и разночинской интеллигенции, их социальное и духовное различие.

Новаторская по своей сущности драматургия Тургенева не сразу получила признание. Из-за постоянных преследований цензуры его пьесы долгое время не могли увидеть света рампы. Да и печатание их было сопряжено с большими трудностями. Так, пьеса «Месяц в деревне» была опубликована только спустя пять лет после написания, а поставить ее удалось лишь в 1872.

Более трех лет, с 1847 по 1850, Тургенев жил безвыездно за границей. Только летом 1850 Тургенев вернулся в Россию. А спустя несколько месяцев умерла Варвара Петровна. Настало время, когда Тургенев смог выполнить данную себе «аннибалову клятву» — бороться с крепостническими порядками. Позднее на вопрос, что он сделал для своих крестьян, Тургенев говорил: «...я немедленно отпустил дворовых на волю, пожелавших крестьян перевел на оброк, всячески содействовал успеху общего освобождения, при выкупе везде уступил пятую часть и в главном имении не взял ничего за усадьбную землю, что составило крупную сумму».

Арест и ссылка. Крымская война

21 февраля 1852 года умер Гоголь. Его смерть Тургенев воспринял как страшное горе, обрушившееся на русскую литературу, и откликнулся на нее некрологом, в котором, в частности, писал:

«Гоголь умер! Какую русскую душу не потрясут эти два слова?.. Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим: человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся, как одной из слав наших!»

В Петербурге некролог напечатать не удалось. Цензурное ведомство запретило вообще публикацию каких-либо материалов о Гоголе. Воспользовавшись тем, что до Москвы это распоряжение еще не дошло, Тургенев опубликовал некролог в газете «Московские новости».

Правительство расценило это как ослушание. Николай I приказал посадить Тургенева «на месяц под арест и выслать на жительство на родину, под присмотр...».

Конечно, все понимали, что причиной ареста писателя явился не столько напечатанный некролог, сколько общее направление его литературной деятельности, носившей явно антикрепостнический и антисамодержавный характер. Правительство не могло простить

Тургеневу его «Записок охотника», которые именно в это время вышли отдельным изданием.

Находясь под арестом, писатель продолжал напряженно работать. Выйдя на свободу, он прочитал своим друзьям рассказ «Муму». По своей идейной направленности этот рассказ был очень близок к «Запискам охотника». В нем Тургенев не только еще раз высказывал свое отрицательное отношение к крепостническим порядкам, но и снова выразил веру в несокрушимое духовное величие человека из народа.

Летом 1852 Тургенев отправился отбывать ссылку в свое имение Спасское-Лутовиново. Во время вынужденного уединения (в ссылке он провел почти полтора года) Тургенев много писал, читал, усердно изучал русскую историю.

Стремясь быть в курсе литературных и общественно-политических событий, он вел активную переписку с друзьями, интересовался новостями столичной жизни, сообщал Некрасову свои замечания по поводу произведений, печатавшихся в «Современнике». Расширился и круг наблюдений писателя над жизнью провинциального дворянства, чиновников и крестьян.

Еще находясь под арестом, Тургенев делился с супругами Виардо своими творческими планами:

«...Буду продолжать свои очерки о русском народе, самом странном и самом удивительном народе, какой только есть на свете. Я стану работать над своим романом, тем с большей свободой мысли, что не буду думать о прохождении его через когти цензуры».

За короткое время Тургеневым были написаны несколько повестей и первая часть незаконченного романа «Два поколения», в котором он намеревался воссоздать широкую и целостную картину русской действительности.

В своих новых произведениях писатель начал отходить, как он сам говорил, от «старой манеры» письма, наиболее отчетливо проявившейся в «Записках охотника». Сущность этой «старой манеры» Тургенев раскрыл в письме к П. Анненкову:

«Надобно пойти другой дорогой — надобно найти ее — и раскланяться навсегда с старой манерой. Довольно я старался извлекать из людских характеров разводные эссенции... чтобы влить их потом в маленькие скляночки — нюхайте, мол, почтенные читатели, — откупорьте и нюхайте — не правда ли, пахнет русским типом? Довольно — довольно! Но вот вопрос, способен ли я к чему-нибудь большому, спокойному! Дадутся ли мне простые, ясные линии...»

Однако «простые, ясные линии», новая манера письма давались Тургеневу с большим трудом. Роман «Два поколения» был встречен друзьями писателя сдержанно. И Тургенев оставил работу над ним. Сохранился лишь его план и отрывок под названием «Собственная господская контора», который был опубликован в 1859 году.

Тургенев ищет не только новые формы и новые жанры. Он стремится расширить тематику своих произведений. Именно в это время он приходит к мысли расстаться с темой деревни.

«Мужички совсем одолели нас в литературе, — писал Тургенев в одном из писем. — Оно бы ничего, но я начинаю подозревать, что мы, так много возившиеся с ними, все-таки ничего в них не смыслим. Притом все это — по известным причинам (имеются в виду цензурные условия) — начинает получать... идилический колорит».

Отныне главное внимание Тургенев сосредоточил на изображении жизни представителей дворянской интеллигенции. Проблема эта не была новой в русской литературе. К решению ее обращались Пушкин в романе «Евгений Онегин», Лермонтов в «Герое нашего времени», Герцен в повести «Кто виноват?». В этих произведениях раскрыты характеры лучших людей из среды дворян, обреченных в условиях политической реакции на бездействие и страдания от создания бесполезности своего существования.

Тургенев решил показать судьбу дворянских интеллигентов в новых общественных условиях, в период так называемого «мрачного семилетия». Уже в рассказах «Смерть»

и «Гамлет Шигровского уезда», вошедших в «Записки охотника», писатель попытался изобразить представителей дворянской интеллигенции. Но наиболее полно и глубоко их жизнь раскрыта Тургеневым в повестях «Дневник лишнего человека», «Затишье», «Переписка», «Яков Пасынков», а также в написанных позднее повестях «Ася» и «Фауст». Понятие «лишний человек» было введено в литературу Тургеневым, и именно он дал наиболее полный и глубокий анализ этого примечательного явления в русской действительности.

В повестях о «лишних людях» уже отчетливо видна новая манера повествования писателя — органическое слияние лиризма с объективным изображением жизни, более глубокое и всестороннее раскрытие внутреннего мира героев.

Эти повести во многом подготовили появление проблемных социально-психологических романов Тургенева.

В начале марта 1853 Тургенев получил разрешение вернуться в Петербург. Опальный писатель был тепло встречен друзьями, и в первую очередь сотрудниками «Современника». Круг знакомых Тургенева заметно расширился. Помимо прежних своих друзей и приятелей — Некрасова, Панаева, Анненкова, Боткина, Дружинина, Григоровича, — Тургенев встречался с поэтом А.К. Толстым, бывал в доме архитектора А.И. Штакеншнейдера, познакомился с будущими революционерами-демократами — публицистом Н. Щелгуновым и поэтом М. Михайловым.

В квартире Тургенева бывали многие петербургские и московские литераторы. Здесь велись споры по самым различным вопросам, читали свои новые произведения Писемский, Огарев, Островский, а Гончаров, недавно вернувшийся из кругосветного путешествия, делился с Тургеневым замыслом своего нового романа.

После возвращения из ссылки давние дружеские отношения Тургенева с Некрасовым стали еще более тесными. Некрасов посылал Тургеневу свои произведения с просьбой высказать о них свое суждение. «Кроме тебя, я никому не верю!» — говорил он. Возросла роль Тургенева и в редакционных делах «Современника». Недаром, собираясь за границу, Некрасов писал Л. Толстому: «...Тургенев займет мою роль в редакции «Современника» — по крайней мере, до той поры, пока это ему не надоест».

Возвращение Тургенева из ссылки совпало с началом Крымской войны. Писатель внимательно следил за ходом военных действий, которые складывались далеко не в пользу России. В Финском заливе появились английские эскадры. Ходили слухи о возможном обстреле столицы. Все более тревожные вести приходили из Севастополя. В самый разгар Севастопольской битвы, 2 марта 1855 года, умер Николай I. Исход Крымской войны был предрешен — все говорило о том, что Россия потерпит сокрушительное поражение. Многие передовые люди того времени понимали, что страна находится на пороге важных исторических преобразований, что теперь на повестку дня встал вопрос о дальнейшем пути развития России. В связи с этим необходимо было решить, кто же возглавит в новых условиях общественное движение — представители дворянской интеллигенции из плеяды так называемых «лишних людей» или разночинцы-демократы, которых в скором времени назовут «новыми людьми». На этот вопрос Тургенев уже попытался в какой-то степени ответить в своих повестях о «лишних людях».

Более глубоко и последовательно он сделал это в своем первом социально-психологическом романе «Рудин», в котором стремился запечатлеть определенный этап исторического развития России, тесно связанный с ее настоящим и будущим.

«Рудин». Духовный кризис. «Ася»

Ранней весной 1855 года Тургенев выехал в Спасское, намереваясь провести там все лето. После сутолоки столичной жизни его всегда тянуло в деревню. Здесь ему легче думалось и работалось. Однако желанной тишины и покоя Тургенев в деревне не нашел. Крымская война еще не окончилась. По дорогам на юг для пополнения разбитых частей

шли регулярные войска и ополченцы. Крестьяне волновались, ждали «воли», отказывались повиноваться помещикам. В одном из писем Тургенев писал:

«...Живем мы в невеселое время. Война растет, растет — и конца ей не видать, лучшие люди (бедный Нахимов) гибнут — болезни, неурожаи, падежи... Впереди еще пока никакого не видать просвету...»

В середине мая в Спасском гостили Боткин, Григорович, В. Дружинин. Вместе с ними Тургенев охотился, совершал дальние прогулки верхом, а вечерами вел нескончаемые споры о литературе. Главным предметом споров была только что защищенная Чернышевским диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности». Мнение Тургенева о Чернышевском в это время существенно отличалось от суждений Боткина и Дружинина. Он считал, что деятельность Чернышевского нужна и полезна, хотя не соглашался со многими положениями его диссертации.

После отъезда гостей Тургенев целиком посвятил себя работе над романом «Рудин», который он писал, по его собственному признанию, очень «деятельно», «с любовью и обдуманностью». Первая редакция романа была написана необычайно быстро. Тургенев записал:

«Рудин. Начат 5 июня 1855 года, в воскресенье, в Спасском: кончен 24 июля 1855, в воскресенье, там же, в 7 недель».

Вернувшись в Петербург, Тургенев познакомил с романом друзей.

«Повесть свою прочел, — писал он сестре Л. Толстого Марии Николаевне и ее мужу, — она понравилась — но мне сделали несколько дельных замечаний, которые я принял к сведению».

Замечаний, однако, оказалось много, и Тургеневу пришлось, по существу, заново переписать роман. Только в середине декабря 1855 он завершил работу над «Рудиным» и напечатал его в первых двух номерах «Современника» за 1856.

В романе «Рудин» Тургенев подвел итог своим многолетним наблюдениям над характером «лишнего человека» и в образе главного героя нарисовал выразительный портрет человека, в котором сконцентрировались мысли и чувства, наиболее характерные для «русских людей культурного слоя» 1840-х.

В июле 1855 года из Севастополя приехал в Петербург Л. Толстой. Первый визит он нанес Тургеневу. Встреча двух писателей была подготовлена их заочным знакомством. Тургенев восторженно приветствовал первые произведения Толстого, опубликованные в «Современнике», и заинтересовался судьбой молодого писателя. В авторе «Севастопольских рассказов» он увидел большого художника. «Ваше назначение — быть литератором, художником мысли и слова...» — писал Тургенев Толстому осенью 1855 года.

Летом 1856 года Тургенев выехал за границу. С тяжелым сердцем отправлялся он в далекий путь. В письме к одной из самых близких своих знакомых Е. Ламберт, писатель признавался:

«...Лучше было бы для меня не ехать. В мои годы уехать за границу — значит: определить себя окончательно на цыганскую жизнь и бросить все помышления о семейной жизни! Что делать! Видно, такова моя судьба».

Мысли о своей прошедшей молодости, о своей неустроенной жизни все чаще приходили ему в голову. Печалью пронизаны многие письма Тургенева этого периода, его произведения «Фауст» и «Поездка в Полесье».

Грустные настроения усугубляла еще и болезнь. Все это привело к глубокому духовному кризису. Необыкновенно требовательный к себе, Тургенев стал сомневаться в своем призвании писателя и даже намеревался оставить литературную деятельность.

«Что касается до меня, — писал он в начале 1857 года Боткину, — то скажу... ни одной моей строки никогда напечатано (да и написано) не будет до окончания века... Таланта с особенной физиономией и цельностью — у меня нет, были поэтические струнки — да они прозвучали

и отзвучали, — повторяться не хочется — в отставку! Это не вспышка досады, поверь мне, — это выражение или плод медленно созревших убеждений».

Живя за границей, Тургенев больно и мучительно переживал разлуку с родиной. Все, что он видел вокруг себя за рубежом, раздражало и вызвало резкое недовольство. Свои впечатления писатель выразил в письме к С.Т. Аксакову:

«Какая-то безжизненная суетность, вычурность, или плоскость бессилия... отсутствие всякой веры, всякого убеждения, даже художнического убеждения — вот что встречается Вам, куда ни оглянетесь... а общий уровень нравственности понижается с каждым днем — и жажда золота томит всех и каждого — вот Вам Франция!»

Тургенева тянуло домой, все его помыслы были там, на родине, в России. «Что ни говори, — писал он Боткину, — а мне все-таки моя Русь дороже всего на свете — особенно за границей я это чувствую!» Однако домой он вернулся не скоро. Нужно было продолжать лечение. Тургенев переезжает из города в город, из страны в страну. Он ищет забвения от горьких мыслей, хочет обрести душевное равновесие и покой, и ему это в конце концов удается. Поселившись летом 1857 по совету врачей в маленьком немецком курортном городке Зинциг, Тургенев пробует начать работать. И вскоре на его письменном столе появляются первые страницы повести «Ася».

«Странно мне было приниматься за перо после годового бездействия, — признавался писатель в письме к Панаеву, — и сначала трудно было, потом пошло полегче».

Работа над повестью затянулась и была закончена лишь в ноябре 1857, а в декабре отправлена в Петербург, в «Современник».

Некрасов восторженно приветствовал повесть Тургенева.

«От нее веет душевной молодостью, — писал он, — вся она чистое золото поэзии. Без натяжки пришлась вся эта прекрасная обстановка к поэтическому сюжету, и вышло что-то небывалое у нас по красоте и чистоте. Даже Чернышевский в искреннем восторге от этой повести».

Едва повесть «Ася» была напечатана в «Современнике», как Чернышевский откликнулся на нее статьей «Русский человек на rendez-vous», в которой, отметив поэтические достоинства нового произведения писателя, обратил внимание на связь характера главного героя с такими образами, как Бельтов и Рудин. Критик убедительно доказал, что время либеральных дворянских интеллигентов, подобных герою повести «Ася», прошло, что «есть люди лучше его».

Новый творческий подъем. «Дворянское гнездо»

В июне 1856 года Тургенев наконец возвратился в Россию. После долгого отсутствия он как никогда раньше ощутил чувство родины и свою всепоглощающую любовь к России. Вернувшись на родную орловскую землю, он писал Полине Виардо:

«...Я должен все же сказать, что в родном воздухе есть нечто неуловимое, что вас трогает и хватает за сердце. Это невольное и тайное тяготение тела к той земле, на которой оно родилось. И потом детские воспоминания, эти люди, говорящие на вашем языке и сделанные из одного теста с вами, все, вплоть до несовершенств окружающей вас природы, несовершенств, которые делаются вам дорогими, как недостатки любимого существа — все вас волнует и захватывает. Хоть иной раз бывает и очень плохо — зато находишься в родной стихии».

За два года отсутствия многое в стране изменилось. Кризис самодержавно-крепостнической системы, обострившийся в связи с событиями Крымской войны, продолжал углубляться. Как никогда раньше остро встал вопрос об освобождении крестьян. Даже Александр II, вступивший на престол, вынужден был признать, что «лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу».

Многое изменилось в редакции «Современника». На общественно-политическое и литературное направление журнала все большее влияние стали оказывать Чернышев-

ский и Добролюбов. Тургенев с опасением следил за укреплявшейся идейной близостью Некрасова с революционерами-демократами. Его пугала откровенная проповедь идей крестьянской революции, с которой выступали на страницах «Современника» Чернышевский и Добролюбов, считавшие, что только революционным путем народ может завоевать подлинную свободу. Сам Тургенев был сторонником постепенных преобразований. Он приветствовал решение правительства провести крестьянскую реформу и, как другие либеральные деятели, был искренне убежден, что крестьян можно освободить только путем реформ «свыше».

Эти либерально-утопические иллюзии во многом определили общественно-литературную позицию Тургенева в конце 1850-х.

После возвращения Тургенев недолго пробыл в Петербурге, затем отправился в Спасское, где продолжил работу над романом «Дворянское гнездо», замысел которого возник еще за границей.

В этом романе Тургенев подвел итог своим размышлениям над духовной драмой «лишних людей», снова поставил вопрос о роли дворянской интеллигенции в современном общественном движении. Вместе с тем в новом произведении Тургенев попытался решить целый ряд морально-этических проблем.

Через весь роман проходит мысль об исторической неизбежности гибели «дворянских гнезд», о невозможности разумной и подлинно счастливой жизни в условиях господства крепостничества и дворянской морали.

«Дворянское гнездо» имело самый большой успех, который когда-либо выпадал на долю Тургенева. Он сам говорил:

«...Со времени появления этого романа я стал считаться в числе писателей, заслуживающих внимания публики».

Отныне имя Тургенева становится одним из самых почитаемых имен в русской литературе. Чернышевский считал его «честью нашей литературы», а Герцен назвал «величайшим современным русским художником».

«Гамлет и Дон Кихот». «Накануне». Разрыв с «Современником»

В январе 1860 года Тургенев выступил на публичном чтении в «Обществе в пользу нуждающимся литераторам и ученым» с программной речью «Гамлет и Дон Кихот». В этих двух величайших образах, созданных европейской литературой, Тургенев увидел «две коренные, противоположные особенности человеческой природы — оба конца той оси, на которой она вертится». По его мнению, Гамлет и Дон Кихот — это два разных типа поведения человека, отражение в нем противоборства мысли и воли. Подобное противоборство Тургенев видел повсюду — и в окружающей действительности, и во внутренней жизни каждого человека. Мало того, он был убежден, что и все человечество можно разделить на эти два типа:

«Нам показалось, что все люди принадлежат более или менее к одному из этих двух типов; что почти каждый из нас сбивается либо на Дон Кихота, либо на Гамлета».

Характеризуя типы Гамлета и Дон Кихота, Тургенев решал очень важную для себя проблему — свой собственный внутренний разлад, борьбу в себе двух начал: самоуглубления и стремления к действию. В характере самого писателя, несомненно, преобладали гамлетовские черты. Дон Кихот для него был своеобразным идеалом. По мысли Тургенева, Гамлет является воплощением размышления, самоанализа, а Дон Кихот — деятельности, энтузиазма. Писатель в самом себе ощущал постоянную борьбу этих двух сил, но в большей степени отдавал предпочтение Дон Кихоту.

Однако вплоть до конца 1850-х образ разночинца как общественного деятеля еще не привлекал внимания русских писателей. Тургенев решил восполнить этот пробел и в начале 1859 приступил к работе над романом «Накануне».

Первоначальный замысел нового произведения возник у писателя еще во время ссылки, которую он отбывал в Спасском-Лутовинове:

«...Фигура главной героини, Елены, тогда еще нового типа в русской жизни, довольно ясно обрисовывалась в моем воображении; но недоставало героя, такого лица, которому Елена, при ее еще смутном, хотя сильном стремлении к свободе, могла предаться».

Найти такое «лицо» писателю помог случай. Живя в Спасском, Тургенев часто встречался со своим соседом — молодым помещиком Каратеевым. Отправляясь в составе ополчения на войну и опасаясь, что не вернется обратно живым, Каратеев передал Тургеневу небольшую тетрадь. В ней была рассказана история любви русской девушки к революционеру-болгарину Катранову.

Тургенев попытался напечатать рукопись Каратеева, но это ему не удалось, поскольку никакими художественными достоинствами она не обладала.

Фигура Катранова чрезвычайно заинтересовала писателя. В нем он увидел именно того героя, которого искал, деятельного и активного. А поскольку Каратеев разрешил Тургеневу использовать материалы его тетради по собственному усмотрению, писатель решил положить их в основу своего нового произведения. Однако прошло немало времени, прежде чем Тургенев начал его писать: этому мешала работа над романами «Рудин» и «Дворянское гнездо».

Тема «лишних людей», разрабатываемая Тургеневым в повестях, в романах «Рудин» и «Дворянское гнездо», не представлялась ему единственной. Уже тогда писатель понимал, что приближается время, когда на арену общественной жизни выйдут люди, подобные Катранову. Его он и сделал прототипом героя нового романа — Инсарова.

События последующих лет — кризис административной системы, начавшийся идейно-политический конфликт между дворянскими либералами и разночинцами-демократами — убедили Тургенева в злободневности задуманного им произведения, содержание которого он намеревался связать с основной проблемой того времени — подготовкой и проведением крестьянской реформы. Отсюда и название его. Сам Тургенев говорил, что повесть «Накануне» названа «так ввиду ее появления (1860 — за год до освобождения крестьян)... Новая жизнь началась тогда в России, — и такие фигуры, как Елена и Инсаров, являются провозвестниками этой новой жизни».

Главную идею своего произведения писатель сформулировал следующим образом:

«В основание моей повести положена мысль о необходимости сознательно-героических натур... для того, чтобы дело продвинулось вперед».

Такой «натурой» в «Накануне», по замыслу Тургенева, должен стать разночинец-демократ Инсаров. В образе Елены Стаховой наиболее полно нашел свое отражение тип «тургеневской девушки». Главная ее черта — самопожертвование. Человек активный, целеустремленный, она страстно желает быть полезной людям и живет ожиданием настоящего дела.

Роман «Накануне» вызвал горячие споры. Наиболее глубокое истолкование нового произведения Тургенева дал Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?». Критик прежде всего отметил, что роман явился результатом внимательного изучения писателем современной жизни:

«Сознавши, что прежние герои уже сделали свое дело и не могут возбуждать прежней симпатии в лучшей части нашего общества, он решился оставить их и, уловивши в нескольких отрывочных проявлениях веяние новых требований жизни, попробовал стать на дорогу, по которой свершается передовое движение настоящего времени...»

В своей статье Добролюбов возвестил о скором появлении русского Инсарова, которому предстоит борьба не с внешними, а с внутренними врагами, о приближении дня революции.

«И недолго нам ждать его, – убежденно говорил критик, – за это ручается то лихорадочное мучительное нетерпение, с которым мы ожидаем его появления в жизни... Придет же он, наконец, этот день! И во всяком случае, канун недалек от следующего за ним дня: всего-то какая-нибудь ночь разделяет их!..»

Открытый призыв к революции, прозвучавший в статье Добролюбова, испугал Тургенева. Познакомившись с содержанием статьи еще до ее публикации, он попросил Некрасова не печатать ее. Некрасов попытался уговорить Добролюбова пойти на некоторые уступки и смягчить отдельные положения статьи. Однако критик не согласился. Некрасов оказался перед необходимостью сделать выбор между Тургеневым и Добролюбовым. И он сделал этот выбор: статья «Когда же придет настоящий день?», хотя и с некоторыми сокращениями, была опубликована в «Современнике», после чего Тургенев отказался от дальнейшего участия в журнале.

Статья Добролюбова явилась, конечно, только поводом для ухода Тургенева из «Современника». Истинная причина разрыва заключалась в идейно-политических разногласиях между Тургеневым и революционными демократами.

Позднее Тургенев признал справедливость статьи Добролюбова и назвал ее «самой выдающейся» среди произведений великого критика.

В конце апреля 1860 Тургенев снова уехал за границу. С этого времени он почти постоянно живет в Европе, лишь изредка приезжая на родину. Однако связи его с Россией не прекращаются ни на минуту. Поездки в Петербург, в Москву, в Спасское, встречи с друзьями ему были необходимы. Они давали возможность писателю быть в курсе событий, происходящих в стране, внимательно следить за общественно-политической и литературной жизнью.

«Отцы и дети»

В начале марта 1861 года был обнародован царский манифест от 19 февраля об освобождении крестьян. С многовековым рабством было покончено. Крестьяне наконец получили долгожданную свободу. Однако, как и предполагали революционеры-демократы, реформа была проведена отнюдь не в интересах народа. Земля по-прежнему оставалась в руках помещиков, а за те небольшие надель, которые крестьяне получили, они были обязаны либо платить оброк, либо отрабатывать барщину. По стране прокатилась волна крестьянских волнений и бунтов, которые подавлялись правительством с невероятной жестокостью.

В России сложилась революционная ситуация. Революционные демократы стали готовить восстание: возникло тайное общество «Земля и воля», идейным вдохновителем которого был Чернышевский, распространялись прокламации, призывавшие к решительной схватке с самодержавием.

На первых порах Тургенев восторженно приветствовал освобождение крестьян. Но к концу 1861 года его энтузиазм заметно остыл, он не мог не видеть, что реформа так и не решила крестьянского вопроса. Правда, он все еще надеялся, что «дело пойдет хорошо», но все чаще и чаще в его письмах этого периода начинают звучать ноты разочарования.

«Мы живем в темное и тяжелое время, – писал он в декабре 1861 года своему другу Н.П. Борису, – так-таки не выберемся из него».

В этот сложный период Тургенев и создает роман «Отцы и дети» (1861). Это было произведение остро полемическое. Едва роман Тургенева появился в печати, вокруг него разгорелась ожесточенная полемика. Как вспоминал один современник,

«...Поднялась целая буря толков, споров, сплетен, философских недоразумений. Все то, что бродило в обществе, как неопределенная, скорее ощущаемая, чем сознаваемая сила, воплотилось теперь в определенный, цельный образ... В гостиных и клубах, в департаментах, в ресторанах, в аудиториях, в книжных магазинах... только и толков было, что об “Отцах и детях”».

Страстные споры и столь разноречивые суждения, вызванные появлением «Отцов и детей», волновали и тревожили Тургенева. Позднее он признавался: «Я испытывал тогда впечатления хотя и разнородные, но одинаково тягостные. Я замечал холодность, доходившую до негодования, во многих близких и симпатичных людях; я получал поздравления, чуть не лобызания, от людей противного мне лагеря, от врагов. Меня это конфузило... огорчало; но совесть не упрекала меня: я хорошо знал, что я честно, и не только без предубеждения, но даже с сочувствием отнесся к выведенному мною типу; я слишком уважал призвание художника, литератора, чтобы покривить душою в таком деле».

Время доказало правоту Тургенева. Его роман по праву занял одно из центральных мест в русской литературе середины прошлого века. Он открыл собой целый ряд произведений о «нигилистах» и «новых людях». Но ни одному писателю, за исключением Чернышевского в романе «Что делать?», не удалось столь достоверно и глубоко воспроизвести характер героя нового времени, героя нового типа.

Идейный творческий кризис. «Дым»

Весной 1862 года Тургенев приехал в Лондон и провел несколько дней в кругу своих старых друзей: Герцена, Огарева и недавно бежавшего из сибирской ссылки Бакунина. Радость встречи была во многом омрачена серьезными разногласиями, возникшими между Тургеневым и Герценом. Они касались вопросов о будущем России, о взаимоотношениях России и Запада, об их историческом развитии. В отличие от Герцена, считавшего в это время, что революционные возможности Запада исчерпаны и что России уготовлен особый путь, который приведет ее к «русскому социализму». Тургенев был убежден, что его страна будет развиваться по тем же законам, что и европейские страны, и что России не удастся миновать развития капиталистических отношений. При этом Тургенев считал, что «единственная точка опоры для живой, революционной пропаганды — то меньшинство образованного класса, которое Бакунин называет и гнилыми, и оторванными от почвы, и изменниками».

В обстановке этих жарких споров у Тургенева возник замысел романа «Дым». Однако писать его он начал лишь в конце 1865 года.

Между тем в России складывалась тревожная обстановка. Вернувшись на родину в начале лета 1862 года, Тургенев стал свидетелем наступления реакции. Правительство Александра II, обеспокоенное ростом революционных выступлений, перешло в открытое наступление против демократических и прогрессивных сил русского общества. Были закрыты воскресные школы, введен новый университетский устав, ограничивший поступление в высшие учебные заведения малоимущих студентов, на восемь месяцев было приостановлено издание журналов «Современник» и «Русское слово». Вслед за этим последовал арест Чернышевского и других деятелей революционно-демократического движения.

Все это рождало у Тургенева невеселые мысли.

«Мое старое литературное сердце дрогнуло, — писал он Анненкову из Спасского, — когда я прочел о прекращении «Современника». Вспомнилось его основание, Белинский и многое...»

Ко всему прочему у Тургенева возникли серьезные осложнения с правительственными кругами. От него потребовали явиться в Петербург и дать объяснения по поводу его связей с Герценом, Огаревым и Бакуниным. Сначала ему разрешили ответить письменно на некоторые вопросы. Тургенев не скрывал, что хорошо знаком со многими революционерами-эмигрантами, но отметил, что никогда не разделял их радикальных взглядов. На какое-то время его оставили в покое. Но вскоре из столицы пришло требование явиться в Сенат на допрос. В январе 1865 года Тургенев приехал в Петербург и два раза давал показания. Все, однако, обошлось. Как писал он Полине Виардо, во время второго допроса «шестеро судей предпочли поболтать со мной о том о сем, и то в продолжение каких-нибудь двух минут». Этим все и ограничилось. Но по

Петербургу поползли слухи о якобы недостойном поведении Тургенева на допросах и о его доносах на прежних друзей. В эти сплетни поверили даже Герцен, который в «Колоколе» написал о «седовласой Магдалине (мужского рода)», кающейся перед царем. Намек на Тургенева был слишком прозрачен, чтобы читатели не поняли, о ком идет речь.

Трудное время переживал писатель. Сложным и противоречивым было его мировоззрение. В письмах Тургенева звучат настроения разочарования, стремления отгородиться от жизни, уйти в себя.

«А меня, душа моя, – писал Тургенев в начале 1865 года одному из своих корреспондентов, – напрасно шевелите. Моя песенка спета. Так спокойно катится жизнь, так мало сожалений, тревог, что только думаешь об одном: матушка Серета, будь похожа на Вторник, как сам батюшка Вторник был похож на Понедельник... Куда нам бороться и ломать деревья! Благо, чувство к красоте не иссякло; благо, можешь еще порадоваться ей, всплакнуть над стихом, над мелодией...»

А чуть позже писатель признавался:

«Я повесил свое перо на гвоздик... Россия мне стала чужда — и я не знаю, что сказать о ней».

Пишет в эти годы Тургенев мало. Лишь два произведения вышло из-под его пера: повесть «Призраки» и лирические фрагменты «Довольно». В них звучали пессимистические мысли о беспомощности человека перед жестокими законами природы, о влиянии на человеческую жизнь таинственных, не поддающихся осознанию сил, о ничтожестве общественной жизни как на Западе, так и в России. Все достижения цивилизации кажутся Тургеневу бесполезными, и даже искусство, хотя оно и выше и несомненное римского права или революционных принципов Великой французской революции, но и оно лишь «тлен и прах».

Но Тургенев постепенно преодолевал душевное уныние и апатию. У него вновь возникло стремление продолжить художественную летопись общественного развития России, и он вернулся к замыслу романа «Дым». Работу над ним писатель завершил в январе 1867, а в апреле роман был опубликован в журнале «Русский вестник».

К концу 1860-х Тургенев постепенно начинает преодолевать настроения разочарования и уныния.

После романа «Дым» он создал несколько повестей и рассказов, в которых обратился к воспоминаниям своего детства и юности («Пунин и Бабурин», «Бригадир Ю», «Степной король Лир»), а также к мотивам и образам повестей 1850-х. Так, повесть «Вешние воды» по своему содержанию очень близка к повестям «Ася» и «Первая любовь». В образе главного героя повести Санина нашли свое отражение многие черты «лишних людей». Кроме того, Тургенев написал три новых рассказа, которые включил в «Записки охотника»: «Стучит», «Конец Чертопханова» и «Живые мощи».

На первый взгляд, все эти произведения были далеки от современности и не затрагивали важных общественных вопросов. Но, обращаясь к прошлому, Тургенев стремился глубже понять и раскрыть сущность русской национальной жизни, найти в ней новые, необычные характеры. Писателя начинает волновать героическая тема, образы протестантов и подвижников.

Тем же острым чувством современности пронизаны и «Литературные и житейские воспоминания», где Тургенев тепло и проникновенно рассказал о деятелях 1840-х годов, и прежде всего о Белинском, которого писатель изображает передовым мыслителем и страстным борцом.

Все эти произведения были опубликованы в журнале «Вестник Европы», с редактором которого, Стасюлевичем, Тургенев познакомился в 1867 году. Писатель давно тяготился своим сотрудничеством в «Русском вестнике», выходявшем под редакцией

реакционера Каткова, и с радостью принял предложение Стасюлевича печататься в его журнале.

Отныне все, что писал Тургенев, появлялось только в «Вестнике Европы».

Семидесятые годы. «Новь»

Конец 1860-х и начало 1870-х годов ознаменовались важными событиями общественной и политической жизни в Западной Европе и в России: франко-прусская война, закончившаяся сокрушительным поражением Франции, Парижская коммуна 1871 года, развернувшееся в России движение революционных народников. Тургенев внимательно следил за всеми этими событиями. Особенно внимательно прислушивался писатель к известиям, приходившим из России. Он с волнением наблюдал за деятельностью нового поколения передовой молодежи, воодушевленной идеями революционного народничества, и начавшимся «хождением в народ». В это время Тургенев познакомился со многими русскими революционерами. Он сблизился с одним из теоретиков революционного народничества П. Лавровым. Прочитав программу журнала «Вперед!», который готовился издавать Лавров, Тургенев писал ему, что «со всеми главными положениями» ее он согласен и готов посылать ежегодно 500 франков «до тех пор, пока продолжится ваше предприятие, которому я желаю всяческого успеха». Искренне любил Тургенев замечательного русского революционера, друга Маркса и Энгельса, Германа Лопатина. Писатель называл его «несокрушимым юношей» и «светлой головой». В свою очередь, Лопатин высоко ценил Тургенева и его творчество. «Какой проницательный ум! – с восхищением говорил он об Иване Сергеевиче. – Какое всестороннее широкое образование! Как знал он литературу не одного своего, но и других народов».

Относясь с большим сочувствием к деятельности русских революционеров, Тургенев тем не менее отдавал предпочтение «постепеновцам», людям, ведущим повседневную работу в народе, просвещая и образовывая его. Об этом он писал одной из своих корреспонденток в сентябре 1874 года:

«Времена переменились; теперь Базаровы *не нужны*. Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума — ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение; нужно уметь жертвовать собою безо всякого блеску и треску — нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и даже низменной работы... Что может быть, например, низменнее — учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т. д. ... Чувство долга, славное чувство патриотизма в истинном смысле этого слова, — вот все, что нужно... Мы вступаем в эпоху *только полезных людей*... и это будут лучшие люди».

Попытку создать образ такого рода деятеля Тургенев и предпринял в своем романе «Новь» (1877). Это была главная задача. Но прежде всего писатель хотел нарисовать в новом произведении широкую картину русской действительности конца 1860-х и начала 1870-х годов, показать расстановку классовых сил в политической борьбе того времени.

Роман «Новь» вызвал множество самых разноречивых откликов и суждений. Особенно негодовала реакционная критика. Но передовые круги русского общества, хотя и со многими оговорками встретили роман сочувственно. Лавров, например, писал, что Тургенев правдиво изобразил величие подвига русских революционеров и показал, какими прекрасными людьми они были.

В начале июня 1877 года Тургенев навестил умирающего Некрасова.

Узнав о приезде Тургенева в Петербург, поэт просил передать ему, что всегда любил его и хотел бы встретиться с ним. Встреча состоялась, и старые друзья протянули друг другу руки. Узнав о смерти поэта, Тургенев с душевной болью писал Анненкову:

«Да, Некрасов умер... И вместе с ним умерла большая часть нашего прошедшего и нашей молодости».

Последние годы. «Стихотворения в прозе». Болезнь и смерть

Почти ежегодно весной или летом Тургенев приезжал в Россию. Каждый его приезд становился целым событием. Писатель всюду был желанным гостем. Его приглашали выступать на всякого рода литературных и благотворительных вечерах, на дружеских встречах. Квартира, где останавливался Тургенев, превращалась в место паломничества. К нему приходило огромное количество посетителей, жаждавших повидать великого писателя, посоветоваться с ним. Особенно горячо приветствовала писателя молодежь, считавшая его своим учителем и единомышленником.

Начиная с 1860-х имя Тургенева становится широко известным на Западе. Со многими западноевропейскими писателями Тургенев поддерживал тесные дружеские отношения. Он хорошо был знаком с П. Мериме, Ж. Санд, Г. Флобером, Э. Золя, А. Додэ, Ги де Мопассаном, близко знал многих деятелей английской и немецкой культуры. Все они считали Тургенева выдающимся художником-реалистом и не только высоко ценили его произведения, но и учились у него. Обращаясь к Тургеневу, Ж. Санд говорила: «Учитель! — Все мы должны пройти вашу школу!»

Величайшей заслугой Тургенева было то, что он явился активным пропагандистом русской литературы и культуры на Западе: сам переводил произведения русских писателей на французский и немецкий языки, редактировал переводы русских авторов, всячески содействовал изданию сочинений своих соотечественников в разных странах Западной Европы, знакомил западноевропейскую публику с произведениями русских композиторов и художников. Об этой стороне своей деятельности Тургенев не без гордости говорил:

«Считаю великим счастьем своей жизни, что я несколько приблизил свое отечество к восприятию европейской публики».

В последние годы жизни Тургеневым было написано несколько небольших прозаических произведений: повести «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич», «Отрывки из воспоминаний — своих и чужих» и «Стихотворения в прозе».

«Стихотворения в прозе» — отражение исканий, раздумий, противоречий последних лет, тяжелых переживаний, личной неустроенности Тургенева. Это наиболее интимная исповедь художника, итог всей его жизни.

Своеобразным торжественным гимном прозвучала горячая вера Тургенева в будущее русского народа в стихотворении «Русский язык».

В июне 1880 в Москве состоялось торжественное открытие памятника Пушкину, ставшее знаменательным событием в русской общественной и литературной жизни. Одним из организаторов и участников пушкинских торжеств был Тургенев. На публичном собрании Общества любителей российской словесности писатель произнес речь, прославляющую русский народ, и выразил глубокую убежденность в его великом будущем. В конце торжеств Тургенев и Достоевский, который также выступил с речью, были увенчаны лавровыми венками.

Последний раз Тургенев побывал на родине в мае 1881. Друзьям он неоднократно высказывал свою «решимость вернуться в Россию и там поселиться». Однако эта мечта не осуществилась. В начале 1882 Тургенев тяжело заболел, и о переезде уже не могло быть речи. Но все его мысли были на родине, в России. О ней думал он, прикованный к постели тяжелым недугом, о ее будущем, о славе русской литературы. Последнее письмо, написанное собственноручно умирающим писателем в июле 1883, было обращено к Толстому, который в это время отошел от литературной деятельности:

«Милый и дорогой Лев Николаевич!.. Пишу... чтобы выразить Вам мою последнюю и искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности!.. Друг мой, великий писатель русской земли, внимайте моей просьбе!»

Умер Тургенев 3 сентября 1883 во Франции. Незадолго до смерти он высказал пожелание быть похороненным в Петербурге, на Волковом кладбище, рядом с Белинским.

Последняя воля писателя была выполнена.

Смерть Тургенева была воспринята как «горе общее, всенародное». Проводить великого писателя в последний путь собрались тысячи людей. Прибыло множество deputаций с венками. Опасаясь политических демонстраций, правительство отдало приказ «не допускать речей», кроме заранее заявленных. В процессии находилось свыше ста агентов «наблюдательной охраны», на кладбище — еще сто тридцать. На всякий случай по всему пути следования траурной процессии были размещены войска. Запрещено было вывешивать траурные флаги. На кладбище допускались только лица, имевшие специальные билеты. Один из участников похорон писал:

«...Везде, на всем протяжении пройденного нами пространства, толпа облежала улицы сплошными шпалерами. Крыши, заборы, деревья, балконы, подъезды, фонарные столбы, рогатки, которыми были загорожены боковые улицы, — все это было унижено народом».

На смерть Тургенева откликнулась вся русская прогрессивная и зарубежная печать. В некрологе, опубликованном в журнале «Отечественные записки», Салтыков-Щедрин писал:

«В современной русской беллетристической литературе нет ни одного писателя (за исключением немногих сверстников покойного, одновременно с ним вступивших на литературное поприще), который не имел в Тургеневе учителя и для которого произведения этого писателя не послужили отправною точкою. В современном русском обществе едва ли найдется хоть одно крупное явление, к которому Тургенев не отнесся с изумительнейшею чуткостью, которого он не попытался истолковать».